

В памяти Сяо Жофэя Гу Чуньлай редко плакал, но в последнее время слезы лились из него чаще, чем когда-либо. Он предположил, что, возможно, Гу Чуньлай был склонен к слезам, но обычно плакал внутри, а теперь его сердце переполнилось, и слезы выплеснулись наружу. Если бы он не плакал, слезы расплзлись бы по всему телу, размягчив и разрушив его, и он бы исчез.

Сяо Жофэй мог только держать его, не отпуская ни на мгновение.

Он помнил, как в год своего выпуска, в Цинмин, он пошел с Сяо Цаньсин почтить память нескольких ушедших кинематографистов, которые оказали ей поддержку. Они пришли рано утром, как только открылись ворота, людей было немного, и на полпути Сяо Жофэй услышал чьи-то слова. Сначала он подумал, что это призрак, и от страха руки его похолодели, но мать напомнила ему, что это был человек, пришедший почтить память. Тот человек стоял на коленях перед могилой, раз за разом кланяясь, повторяя что-то тихим, плачущим голосом, но каждое слово было отчетливым.

— Если вы слышите меня, заберите меня с собой.

Простое предложение, но каждое слово било по сердцу Сяо Жофэя, оставляя тяжесть.

Это был голос Гу Чуньлая.

Сяо Жофэй едва не бросился к нему, но вспомнил, что они уже стали чужими, и тогдашнее внезапное приближение только усугубило бы ситуацию. Он издали взглянул на него, услышал, как мать торопит, и ушел. Когда он вернулся, Гу Чуньлая уже не было, только пятна крови перед могилой и белые хризантемы, цветущие во всей красе.

Вспоминая тот день, Сяо Жофэй чувствовал страх. Он взял руку Гу Чуньлая и положил ее в карман, сказав:

— Я был там.

Гу Чуньлай наконец немного успокоился. Он вытер глаза и спросил:

— Когда?

— Когда ты сказал: «Заберите меня с собой».

— А, ты про тот Цинмин... В год выпуска мне было нелегко.

Гу Чуньлай легко отмахнулся, словно рассказывал о ком-то другом.

— Чуньлай, — Сяо Жофэй убрал часть стола, поставил по миске пельменей и сел рядом. — Возможно, мы проведем вместе всю жизнь. Я хочу, чтобы ты знал: ты можешь говорить мне все, что угодно.

— Буду.

Сяо Жофэй налил соевый соус, добавил несколько капель острого масла и пододвинул к Гу Чуньлаю.

— То, что ты хочешь знать обо мне, я тоже расскажу.

— Я тоже.

Гу Чуньлай взглянул на Сяо Жофэя, взял пельмень с капустой и свиной начинкой и отправил его в рот.

Сяо Жофэй, редко испытывавший напряжение, на этот раз занервничал. Он подумал и все же задал вопрос:

— Скажи честно, сцена смерти Чжоу Ицзюня причинила тебе боль?

— Ах, это...

Гу Чуньлай глубоко вдохнул.

— Мой дедушка перед смертью был похож на Чжоу Ицзюня, только он не узнавал меня.

Дедушка Гу Чуньлай умер от инсульта, как и Чжоу Ицзюнь в фильме.

— После того как бабушка ушла, дедушка редко разговаривал со мной и почти не улыбался. В то время я как раз был в переходном возрасте и тоже не хотел с ним общаться. Мы жили под одной крышей, будучи единственными родственниками друг для друга, но вели себя как враги. Однажды, когда я занимался с ним в театре, он вдруг начал бить меня реквизитом и кричать, ругая моего отца, требуя, чтобы он умер. Тогда я понял, что у него болезнь Альцгеймера, и уже давно, знал только его помощник, наш нынешний руководитель труппы.

— Я изучил информацию и постепенно понял, какие симптомы могут появиться. Хотя я мог заботиться о его быте, я не мог вылечить его разум. Через пару лет он почти перестал узнавать меня, то принимая меня за отца, то за мать. Он был уже стар, чтобы бить, но он был известен как жесткий режиссер, и его слова были очень ядовиты, я не мог ничего ответить. К старшим классам его болезнь прогрессировала, и я боялся ходить в школу. Руководитель труппы хорошо ко мне относился, нанял мне репетитора, я сам учился в свободное время, и, к счастью, поступил в желаемый университет.

— Но перед моими выпускными экзаменами он ушел. В тот день я не мог решить задачу, а он все звал меня, я не выдержал, ответил и ушел в городскую библиотеку учиться. Через час или два руководитель труппы вдруг позвонил мне и велел ехать в больницу. Оказалось, у моего дедушки из-за длительного поражения мозга случился инсульт, и его жизнь была в опасности. Его реанимировали, и, очнувшись, он принял меня за мать, все время что-то бормоча.

— Тогда я понял, что все эти годы он думал, что я ненавижу его. Подумай, он вырастил меня, перед смертью хотел купить мне новую одежду, помнил, что я хочу поступить на актерский, помнил мои любимые блюда. Как я мог его ненавидеть? Но в тот день, сколько бы я ни говорил, он не понимал.

— Невозможность высказать сожаление — это то, с чем сталкиваются все. Я действительно не виню тебя, просто мне это тоже пришлось пережить. Думаю, ты тоже через это прошел, иначе не написал бы так печально и правдиво.

Закончив, Гу Чуньлай наконец посмотрел на Сяо Жофэя. К его удивлению, его собственные слезы высохли, а глаза Сяо Жофэя покраснели. Его сердце словно сжалось в руках этого человека, выжимая кровь, слезы, мед и все оттенки чувств. Он не смог удержаться и наклонился, поцеловав слезы Сяо Жофэя. Сяо Жофэй обнял его, уткнувшись лицом в его грудь, и повторял:

— Ты жив, и это хорошо.

— На самом деле, тебе не о чем беспокоиться, — на лице Гу Чуньлая наконец появилось выражение, отличное от печали. — Я загадал много желаний, просил их защитить меня от слез, от холода, от насмешек одноклассников или забрать меня с собой. Ни одно из них не сбылось.

— Не совсем, — серьезно сказал Сяо Жофэй. — По крайней мере, одно сбылось. Мое желание.

Гу Чуньлай недоумевал.

— О чем ты просил их? Они ведь не боги и не духи.

— Я сказал им: «Чуньлай еще не увидел всех красот мира, не наигрался в театре и не встретил того, кого полюбит. Пожалуйста, оставьте его здесь, что бы ни случилось».

Сяо Жофэй поднял Гу Чуньлая и посадил его на свои колени.

Слезы, только что высохшие, снова заструились по лицу Гу Чуньлая. Он смеялся и плакал, держа лицо Сяо Жофэя, и капли слез падали на его слегка сухую кожу. Он повторял «спасибо» снова и снова, с искренней благодарностью.

Сяо Жофэй вытер его слезы и свои. Он положил руку на затылок Гу Чуньлая и притянул его к себе.

— Не говори всегда «извини» или «спасибо». Я твой парень, почти официальный, скоро мы закончим съемки, осталось несколько сцен, и я стану твоим парнем. Я хочу, чтобы ты привык.

Гу Чуньлай подумал и серьезно сказал:

— Но что еще говорить?

— Говори «Я тебя люблю».

В то утро, после поминовения, Сяо Жофэй забрал Гу Чуньлая в Байшуй. На площадке никто не упоминал о происшествии на съемках, никто не жаловался на поведение Гу Чуньлая. Все было как обычно, спокойно и привычно.

Сцена похорон заняла десять страниц сценария и снималась две недели, с ноября по декабрь, с осени до зимы. После этой сцены большинство основных актеров завершили съемки, остались только Сяо Цаньсин и Гу Чуньлай, у которых была еще одна сцена.

Последняя сцена всего фильма.

Чжоу Сяоча, пережив болезнь отца и кризис в отношениях, не хотел терять последнего родственника и всячески препятствовал тому, чтобы Ду Цзянсюэ устроилась на работу. Но Ду Цзянсюэ продолжала каждый день репетировать с Ван Лицин, игнорируя его возражения. В гневе Чжоу Сяоча рассказал о странностях труппы: там набирали только женщин, и это могло быть небезопасно, возможно, это было связано с торговлей людьми. Его слова были полны сарказма, насмешек над ее усилиями. Но Ду Цзянсюэ ненадолго расстроилась, а затем снова собралась с силами.

После этого шла серия сцен, которые уже были сняты: Чжоу Сяоча переживал огромные изменения в жизни, прощался с давней возлюбленной, его отец умирал. Перед похоронами Чжоу Сяоча наконец понял, что мать давно знала правду о трупке, но хотела доказать, что она

не бесполезна, что еще может добиться успеха в зрелом возрасте, что не сдалась под напором времени.

Чжоу Сяоча вдруг осознал, что настойчивость матери в репетициях и его собственное стремление докопаться до правды были, в конечном счете, одним и тем же. Они просто хотели доказать себе, что имеют смысл жить в этом мире.

<http://bllate.org/book/15563/1415787>